

УДК 821.161.1.

«ЛЮБОВЬ И ГОЛОД ПРАВЯТ МИРОМ»:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ М. ГОРЬКОГО 1920-Х ГГ.

Примочкина Н. Н.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук.
E-mail: nprim47@yandex.ru

Аннотация: В основе культурологической концепции Горького 1920-х гг. лежала идея перерождения живой культуры в механическую цивилизацию. Эта идея из книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918) была подхвачена многими европейскими и русскими философами и оказала определенное влияние на Горького. В отличие от ленинской теории о двух культурах, основанной на классовом принципе, Горький придал своей концепции вневременный, онтологический смысл, связал ее с основными инстинктами человечества: инстинктом голода и инстинктом размножения. Писатель подчеркивал, что только у человека этот второй инстинкт облагорожен чувством любви. Чтобы сформулировать свой взгляд на проблему сосуществования культуры и цивилизации в мире, Горький воспользовался выражением «Любовь и голод правят миром» из стихотворения Ф. Шиллера «Мудрецы», утверждая, что деятельность человека, направленная на удовлетворение инстинкта голода, приводит к проявлениям цивилизации, и только там, «где правит любовь, – возникает и развивается жизнь духа – “культура”».

Ключевые слова: М. Горький, различие культуры и цивилизации, теория двух культур, концепция О. Шпенглера, формула Ф. Шиллера.

Тема «Горький и культура» поистине безгранична и требует многотомных разносторонних монографических исследований. В данной небольшой статье мы сосредоточим свое внимание на ограниченном временном отрезке послереволюционной жизни писателя и всего лишь на одном, на первый взгляд частном, но несомненно очень важном моменте этой необозримой темы: проблеме разделения Горьким единого сложного феномена культуры на «культуру» и «цивилизацию» и анализе его культурологической концепции 1920-х гг. в контексте других теорий того времени.

Идея противостояния культуры и цивилизации отражала реальные объективно-исторические процессы обострения противоречий во всех сферах жизни и общественного сознания, которые были характерны для конца XIX–начала XX в. Осознание противоречивости, сложности, неоднозначности современной культуры было свойственно многим выдающимся деятелям искусства революционной эпохи. Например, размышления А. Белого о противоречивой сущности искусства привели его в 1918 г., в книге «Кризис культуры» к осознанию враждебности «машинно-

материальной», «фабричной» цивилизации подлинному, «фантазийному» культурному творчеству [1, с. 72, 74].

Такого рода представления были близки и А. А. Блоку. Его особое понимание культуры как духовного, динамического процесса творчества способствовало, с одной стороны, сближению этого понятия с философско-эстетической категорией «дух музыки», с другой – к отделению культуры от враждебной ей, порочной капиталистической цивилизации. В 1919 г. в набросках к докладу «Крушение гуманизма» Блок, например, писал: «Музыка была тем цементом, который создавал культуру гуманизма; когда цемента не стало, гуманистическая культура превратилась в гуманную цивилизацию» [3, с. 362].

Н. А. Бердяев в книге «Философия неравенства» (1918) и других послереволюционных работах тоже разграничивал понятия культуры и цивилизации. «Культура, – утверждал философ, – есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся <...> Культура имеет душу. Цивилизация имеет лишь методы и орудия» [2, с. 218].

Неоднородность, противоречивость современной культуры была замечена и по-своему интерпретирована также философами-марксистами. В. И. Ленин, например, руководствуясь классовым критерием, тоже разделил культуру: на дворянскую, элитарную и демократическую, народную. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) он указывал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса <...> Но в каждой нации есть также культура буржуазная <...> – притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры» [12, с. 120–121]. Учение Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре в советское время было положено в основание идеологии, эстетики и всей культурной политики государства.

Для Горького понятие «культура» было всегда священным. Но содержание, философско-эстетическое наполнение этого понятия в течение его жизни менялось. В связи с событиями Первой мировой войны и последовавшей за ней революции, которые поставили Россию на грань полного разрушения и катастрофы, вопросы

культуры в сознании Горького заняли особое место, стали особенно острыми и животрепещущими. Отъезд писателя осенью 1921 г. за границу, жизнь в центре Европы – в Германии, Чехословакии и Италии – все это внесло свои коррективы в его напряженные размышления о современном состоянии мировой культуры, о кризисе европейских духовных ценностей.

Горький еще до революции познакомился с трудами о культуре и цивилизации русского философа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и французского социолога Ле Бона «Психология народов и масс», а в годы революции – с вышеназванными книгами и статьями Белого, Блока, Бердяева и других. Однако анализ размышлений и высказываний Горького о современном кризисном состоянии европейской культуры показывает, что толчком, который заставил писателя «вплотную» заняться этой проблемой, стало его знакомство с книгой немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы».

Труд Шпенглера не случайно вышел в 1918 г., в год окончания Первой мировой войны. И европейский мир, пораженный невиданной жестокостью войны, приведшей к огромным разрушениям и многочисленным человеческим жертвам, воспринял идеи Шпенглера о скором неминуемом крахе западной цивилизации как великое пророчество. Его труд был переведен на многие языки мира, имел оглушительный общественный резонанс. В России, еще до выхода русского перевода, в 1922 г. была издана книга трех видных русских философов Ф. А. Степуна, С. Л. Франка и Н. А. Бердяева под названием «Освальд Шпенглер и закат Европы», в которой давался глубокий критический анализ основных идей этого труда. Поэтому нет ничего удивительного, что Горький счел своим долгом познакомиться с этим интеллектуальным «бестселлером». Он читал книгу с карандашом в руках и оставил на ее страницах множество помет. Об особом интересе и внимании писателя к книге свидетельствует и тот факт, что обычно скупой на словесные пометы в книгах, в данном случае он оставил достаточно много развернутых замечаний и реплик на полях, которые демонстрировали не только согласие, но и живую полемику, горячий спор Горького с основными идеями немецкого философа [См. подробнее: 11, с. 263–279].

Интересно отметить, что мысли Горького о кризисе и упадке мировой культуры в чем-то даже перекликались с некоторыми положениями книги Шпенглера. Европа, считал немецкий философ, вступила уже в старческий возраст. Культурный период сменился эпохой цивилизации, которая понималась им как «логическое следствие, завершение и исход культуры» [13, с. 30]. Проживавший в центре послевоенной Европы Горький мог воочию убедиться в правильности предсказаний Шпенглера о ее неминуемой гибели. 1 февраля 1925 г. Горький писал М. М. Пришвину: «...“закат Европы” – на мой взгляд – факт неустрашимый, хотя, конечно, закатывается она не по Шпенглеру <...> Устали здесь люди, живут – не серьезно, а так как-то – без главного. Особенно ясна эта усталость и отсутствие «главного» в литературе, в живописи, вообще – в искусстве» [4, с. 119]. Однако имелись и существенные, принципиальные отличия между концепциями Горького и Шпенглера. Свои слабые надежды на возрождение дряхлеющей Европы Шпенглер связывал с мировым империализмом. Симпатии философа были обращены назад: он видел сохранившиеся «пережитки культуры» только в патриархальном крестьянстве и провинциальном дворянстве. В то же время автор «Заката Европы» враждебно относился к революционным народным массам, борющимся за свои права. Концепция Горького имела более демократичный и социально направленный характер. В отличие от Шпенглера, он возлагал свои надежды на активность пролетариата и революционность народных масс, полагая, что именно они определяют развитие исторического процесса и дальнейшие судьбы культуры.

Размышляя о принципиальном различии культуры и цивилизации в современном мире, Горький воспользовался поэтической «формулой» Ф. Шиллера «Любовь и голод правят миром» из его стихотворения «Мудрецы» (1795). Эта цитата имела для писателя ключевое значение, она помогла ему сформулировать свой собственный оригинальный взгляд на проблему. Горький познакомился с русским переводом книги Шпенглера в 1923 г., а уже в январе следующего, 1924 г. он писал в очерке «О С. А. Толстой»: «”Любовь и голод правят миром” – это самый правдивый и уместный эпиграф к бесконечной истории страданий человека. Но там, где правит любовь, мы, недавние звери, имеем культуру, – искусство и всё великое, чем

справедливо гордимся. Там же, где возбудителем деяний наших является голод, мы получаем цивилизацию и все несчастья, сопряженные с нею, все тяготы и ограничения...» [6, с. 367].

Идею о двух основных силах, движущих вперед жизнь человечества, писатель повторял в то время неоднократно. Например, 27 ноября 1924 г. он писал в редакцию немецкого словаря "Menschen und Menschenwerke", указывая на обилие в словаре биографий политиков в ущерб биографиям деятелей искусства и науки: «"Любовь и голод правят миром", – указал Шиллер два рычага, неустанно поднимающих нас на какую-то высоту. Но там, где правит голод, – экономия, политика и все то, угнетающее нас всех, что заключено в понятии "цивилизация". Там же, где правит любовь, – возникает и развивается жизнь духа – "культура"» [4, с. 85].

Как видим, в 1920-е гг. подход Горького к вопросу о культуре и цивилизации оказался гораздо ближе к концепциям русских и иностранных философов и деятелей искусства Серебряного века, чем к ленинскому учению о двух культурах. В отличие от ленинской теории, в основу которой положен классовый принцип, Горький постарался придать своей концепции вневременный, глобальный, онтологический смысл, связал ее с вечными основными инстинктами всего живого на земле: инстинктом голода и инстинктом размножения. Однако только у человека этот второй инстинкт, считал писатель, осложнен и облагорожен чувством любви, физиологической, душевной привязанности и духовной близости.

Горький продолжал исследовать, развивать и обыгрывать полюбившуюся ему формулировку идеи о принципиальной разнице между культурой и цивилизацией также и в своих художественных произведениях 1920-х гг. Впервые фраза о «любви и голоде» из стихотворения Шиллера появляется в автобиографической повести «Мои университеты» (1922). Горький вложил ее в уста некоего учителя истории, которого он в свои юношеские годы встретил случайно на улице в Казани. « – Пойми, – внушал учитель Алексею, – каждому нужно не много: кусок хлеба и женщину <...>

Любовь и голод правят миром, – слышал я горячий шепот и вспомнил, что эти слова напечатаны под заголовком революционной брошюры "Царь-Голод", это придавало им в моих мыслях особенно веское значение» [6, с. 45]. Весь фокус,

однако, заключается в том, что в нелегальной брошюре А. Н. Баха «Царь-Голод», с которой Алексей Пешков познакомился еще в Казани, фраза Шиллера о «любви и голоде» отсутствует. «Царь-Голод» имеет другой эпиграф, из стихотворения А. Н. Некрасова «Железная дорога»: «В мире есть царь: этот царь беспощаден / Голод названье ему» [цит. по: 6, с. 547]. Подобная аберрация памяти возникла, видимо, не случайно. Она означает, что Горький обратил особое внимание на изречение Шиллера и начал вкладывать в него важный философский смысл только после революции, в начале 1920-х гг. и «по ошибке» ввел его в свою повесть «Мои университеты».

В рассказе «О тараканах» (1925), казалось бы, весьма далеком от философствований на подобные темы, раздумья писателя о культуре и цивилизации также нашли свое косвенное отражение. Но здесь они пародийно снижены и заметно окрашены авторской иронией и юмором. А отправной точкой для авторских сентенций служат ... певчие птицы, которых необходимо держать в голоде, чтобы заставить петь. «Ибо птицы, – замечает автор, – прославляют богов земли и неба только с голода, свои же свободные песни поют ради любви, так же, как и другие честные художники» [7, с. 40].

Размышления о культуре и цивилизации, о подлинном, свободном либо продажном искусстве не только не перестают волновать Горького, но даже обостряются в связи с началом работы над романом «Жизнь Клима Самгина». В этом он сам признался в письме от 15 марта 1926 г. писателю С. Т. Григорьеву: «Жили мы – и живем до сего дня – инстинктом голода, откуда истекло все, именуемое цивилизацией, инстинктом любви, создавшим все, что мы зовем культурой, и вот находимся накануне возникновения третьего инстинкта, который неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований. Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей воспламят страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том, зачем жить. Вот что я думаю. Это *одна* из тем моего романа, над коим сижу» [5, с. 20–21]. Добавим, что в самом романе Клима Самгина повторяет по разным поводам слова Шиллера целых три раза. Во второй части романа, опираясь на ту же цитату, он намеренно грубо разъясняет Варваре свое понимание движущих

рычагов жизни: «"Любовь и голод правят миром", и мы все выполняем повеления этих двух основных сил. Искусство пытается прикрасить зоологические требования инстинкта пола, наука помогает удовлетворить запросы желудка, вот и – все» [8, с. 120].

В 1929-м, «переломном» году Горький, еще не опровергая основную идею Шпенглера, попытался использовать ее для доказательства правдивости марксистско-ленинского учения: «...книга Шпенглера «Закат Европы» и книги, подобные этой, – писал он в статье «О мещанстве», – откровенно рассказали об интеллектуальном и волевом истощении буржуазии и установили факт механичности, инертности ее движения по пути к окончательному вырождению» [9, с. 26]. В 1930-е гг. писатель разрешает мучивший его вопрос, уже полностью отвергая концепцию немецкого философа и руководствуясь учением о классах. В статье 1932 г. «С кем вы, "мастера культуры"?", вступая в открытую полемику со Шпенглером и другими «утешителями буржуазии», он утверждает, что «против яда своекорыстной мысли» этих «мещан Европы и Америки выработано и оздоравливающе действует противоядие учения Маркса – Ленина» [10, с. 249, 251]. В это время писателю, кажется, удастся примирить в своем сознании противоречия культуры и цивилизации. Теперь он полагает, что технические достижения цивилизации при социализме можно и нужно использовать для освобождения трудящихся от тяжелой работы и для их дальнейшего культурного роста. В связи с этим Горький пишет в одной из своих статей о новом советском человеке: «Ему смешно слышать стоны и вопли Шпенглеров, устрешенных техникой, ибо он хорошо знает, что техника еще не работала в интересах культурного развития сотен миллионов людей рабского физического труда» [10, с. 289].

Список литературы

1. Белый, А. На перевале. III. Кризис культуры. – Пг.: Алконост. 1920. – 89 с.
2. Бердяев, Н. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. – Берлин: Обелиск, 1923. – 246 с.
3. Блок, А. А. Собр. соч. в 8 т. – М.-Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 7. – 544 с.

4. Горький, М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2012. – Т. 15. – 965 с.
5. Горький, М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. – М.: Наука, 2013. – Т. 16. – 980 с.
6. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 16. – 628 с.
7. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1973. – Т. 18. – 551 с.
8. Горький, М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. – М.: Наука, 1974. – Т. 22. – 683 с.
9. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 25. – 518 с.
10. Горький, М. Собр. соч.: в 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 26. – 462 с.
11. Евдокимов, А. В. Судьбы цивилизации в мировоззрении и творчестве М. Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького. – М. Горький. Материалы и исследования. – Вып. 9. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 447 с. – С. 263-279.
12. Ленин, В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 24. – 568 с.
13. Шпенглер, О. Закат Европы. – М.-Пг.: Изд-во Л. Д. Френкеля, 1923. – Т. 1. – 446 с.

References

1. Belyi A. Na Perevale. III. Krizis Kul'tury [On a Mountain Pass. III. A Crisis of Culture]. Petrograd, Alkonost Publ., 1920. 89 p.
2. Berdyaev N. Filosofiya Neravenstva: Pis'ma k Nedrugam po Sotsial'noy Filosofii [Philosophy of Inequality: Letters to the Enemies on Social Philosophy]. Berlin, Obelisk Publ., 1923. 246 p.
3. Blok A. A. Sobranie Sochinenii.: v 8 t. [The Collected Works in 8 v]. Moscow-Leningrad, State Publishing House of Artistic Literature, 1962. V. 7. 544 p.
4. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Pis'ma v 24 t. [Complete Works. Letters in 24 v]. Moscow, Nauka Publ., 2012. V. 15. 965 p.
5. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Pis'ma v 24 t. [Complete Works. Letters in 24 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 2013. V. 16. 980 p.

6. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennyye Proizvedeniya v 25 t. [Complete Works. Artistic Works in 25 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1973. V. 16. 628 p.
7. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennyye Proizvedeniya in 25 t. [Complete Works. Artistic Works in 25 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1973. V. 18. 551 p.
1. 8. Gor'kii M. Polnoe Sobranie Sochinenii. Khudozhestvennyye Proizvedeniya in 25 t. [Complete Works. Artistic Works in 25 Volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1974. V. 22. 683 p.
8. Gor'kii M. Sobranie Sochinenii v 30 t. [The Collected Works in 30 Volumes]. Moscow, State Publishing House of Artistic Literature, 1953. V. 25. 518 p.
9. Gor'kii M. Sobranie Sochinenii v 30 t. [The Collected Works in 30 Volumes]. – Moscow, State Publishing House of Artistic Literature, 1953. V. 26. 462 p.
10. Evdokimov A. V. Sud'by Tsivilizatsii v Mirovozzrenii i Tvorchestve M. Gor'kogo [Fates of Civilization in the World View and Work of M. Gor'kii] . Kontseptsiya Mira i Cheloveka v Tvorchestve M. Gor'kogo. M. Gor'kii. Materialy i Issledovaniya. Vyp. 9. [Conception of the World and Man in M. Gorkii's Creative Work. M. Gorkii. Materials and Researches. Issue 9]. Moscow, Gorkii World Literature Institute Publishing House, 2009. P. 263-279.
11. Lenin V. I. Polnoe Sobranie Sochinenii v 55 t. [Complete Works in 55 Volumes]. Moscow, Political Literature Publishing House, 1973. V. 24. 568 p.
12. Spengler O. Zakat Evropy [Decline of Europe]. Moscow-Petrograd, Izdatelstvo L. D. Frenkelya, 1923. V. 1. 446 p.

**"LOVE AND HUNGER RULE THE WORLD":
CULTUROLOGICAL CONCEPTION OF M. GORKY OF THE 1920S**

Primochkina N. N.

Summary. Gorky's culturological conception of the 1920s was based on the idea of the degeneration of living culture into a mechanical civilization. This idea from O. Spengler's book *The Decline of the West* (1918) was picked up by many European and Russian philosophers. In contrast to the Leninist theory of two cultures based on the class principle, Gorky gave his concept timeless, ontological meaning, linked it to the basic instincts of mankind: the instinct of hunger and the instinct of reproduction. The writer stressed that only a person's second instinct is ennobled by a feeling of love. In order to formulate his view on the problem of the coexistence of culture and civilization in the world, Gorky used the opinion *Love and Hunger Rule the World* from Schiller's poem «The Wise Men» stating that human activity aimed satisfying the instinct of hunger. It leads to manifestations of civilization, and only there «where love rules, – the life of the spirit arises and develops – culture».

Keywords. M. Gorky, distinction of culture and civilization, theory of two cultures, conception of O. Spengler, formula of F. Schiller.